

Факел для великого трио

Вет. Москва. - 1998. - 5 авг. - с. 5.

Если в доме молчит радио, значит, наступил конец света. Поэтому и осенью 1941-го, и пришедшей затем зимой голос Москвы был слышен по всей территории нашей огромной страны. Но вот света, в смысле электричества, случалось, не было.

Зимой 1942 года в студии Радиокомитета на улице Качалова (нынешней Малой Никитской) играло трио поистине великих музыкантов — Лев Оборин, Давид Ойстрах и Святослав Кнушевицкий. Внезапно погас свет. Прекращать передачу, которая тогда, как обычно, шла в прямом эфире? В условиях, когда германские войска находились не так уж далеко от Москвы, умолкнувшее радио способно вызвать даже панику... И трио продолжало играть в кромешной тьме (в студии нет окон).

А диктор Валентина Соловьева, которая обычно вела музыкальные передачи, схватила подвернувшуюся под руки газету, свернула ее в жгут и зажгла.

— Держу этот факел, освещаю главным образом клавиатуру рояля. Потом, когда газета сгорела, я стала жечь листки с текстами уже прошедших передач, — рассказывает сегодня Валентина Сергеевна. — Когда через несколько минут дали свет, я глянула на музыкан-

тов: они все были в поту, хотя в студии царил жуткий холод.

Она вела концерты не только в студии, но и на сцене.

За стенами Дома союзов ревели сирены, ухали зенитки, где-то рвались бомбы, а в Колонном зале шел симфонический концерт. Исполняли симфонию Д. Д. Шостаковича. Факт известный, ставший достоянием истории. Только не зафиксировано, что тот концерт вела Соловьева. Трижды во время исполнения звучала воздушная тревога. И каждый раз Валентина Сергеевна выходила к краю сцены и предлагала слушателям спуститься в бомбоубежище. Никто не покинул зала.

В немногочисленную дикторскую группу Радиокомитета Валентина Соловьева пришла почти 70 лет тому назад, в 1929 году, выдержав огромный конкурс.

— Я ужасно волновалась, — говорит она, вспоминая свое первое выступление у микрофона. — Хотя у меня уже был небольшой чтецкий опыт, успела поработать в Московском концертном объединении. Да и образование было соответствующее — я окончила к тому времени Государственный институт слова.

Член приемной комиссии знаменитый актер Осип Абдулов после прослушивания сказал: «Эту девочку нельзя не принять, у нее такой красивый голос».

Полвека звучал в радиозфире этот замечательный голос. Соловьева читала «Последние известия», вела ответственные праздничные трансляции с Красной площади или открытые концерты из Колонного зала, Большого театра, консерватории.

Партнерами Валентины Соловье-

вой долгое время были Юрий Левитан и Эммануил Тобиаш. Но ей нравилось вести не информационные программы, а музыкальные, особенно «открытые» концерты Надежды Обуховой, Марии Максаковой, Антонины Неждановой, Ивана Козловского, Сергея Лемешева... Все они были очень разные, но их объединяли талант и огромная внутренняя культура.

— Они не позволяли себе прийти на концерт неподготовленными, даже зимой в годы войны — бывало, придут с мороза в холодную студию, я им говорю: «Не снимайте пальто, холодно. Здесь же никто вас не видит». Но они неизменно выступали в своих концертных костюмах. Как это не похоже на то, что часто мы видим нынче!

Драматическое время войны особенно отпечаталось в памяти.

Приходилось и дежурить по ночам на крыше, гасить зажигалки, таскать тяжелые мешки с песком. И еще — выступать перед ранеными в госпитале. Молодость помогала преодолевать физические и душевные перегрузки.

В послевоенные годы Валентина Сергеевна продолжала читать передачи информационного и художественного характера, вести праздничные трансляции с Красной площади, но по-прежнему ее любимым делом было ведение открытых концертов.

За долгую работу у микрофона она провела их более тысячи раз. И всегда как-то умела помочь актеру, подбодрить его.

Натан Рахлин обычно дирижировал без нот: от напряжения лицо его становилось красным, поэтому перед выступлением он пудрил. По-

том пудра осыпалась, и, чтобы ее стряхивать, Валентина Сергеевна всегда носила в своей сумочке маленькую щеточку.

Яков Флиэр как-то заметил: «Какая вы Валечка? Вы Валерьяночка». Так и звали ее друзья.

Впрочем, это была единственная вольность по отношению к русскому языку, с которой мирилась Валентина Сергеевна. При работе у микрофона русский язык для нее свят. Речь диктора должна быть эталонной. Сегодня она ревностно вслушивается в телерадиозфир и после передачи порой звонит в редакции: ее обижают безграмотность, ошибки в произношении, удареении.

В эти августовские дни Валентина Сергеевна отмечает свое 90-летие. За окном ее небольшой уютной квартиры вся в зелени высится громада университета.

— Вы довольны прожитой жизнью?

— Если иметь в виду творческую сторону, несомненно. Всю жизнь я занималась любимой работой, была дружна с незаурядными, выдающимися людьми. Что касается личной жизни... Мой отец был офицером царской армии. Слава богу, его миновала мясорубка 1937 года. Но надо мною постоянно довлело дворянское происхождение, я многие годы жила в страхе за отца. К тому же была еще и женой «врага народа». Мой муж работал в «Известиях». Его арестовали накануне войны. Он умер вскоре после реабилитации в 1957 году. Детей у нас не осталось... Сейчас живу на пенсию. Хватает. Все бы ничего, да вот со страной что происходит?

Борис СУДАРОВ